

Валентин Рунов

Гений войны Скобелев Белый генерал

ВОЕННЫЕ ГЕНИИ РОССИИ

Военные гении России

Валентин Рунов

**Гений войны Скобелев.
«Белый генерал»**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51-8

Рунов В. А.

Гений войны Скобелев. «Белый генерал» / В. А. Рунов —
«ВЕЧЕ», 2026 — (Военные гении России)

ISBN 978-5-4484-5885-9

Книга посвящена жизни и деятельности Михаила Дмитриевича Скобелева — одного из самых молодых и успешных российских военачальников второй половины XIX века, который сделал свою блестящую карьеру исключительно на полях сражений и во многом наперекор мнениям многих высших военных чиновников и генералов. Также в ней изложены те события, которые стали причиной гибели этого человека, рассмотрено несколько версий его смерти. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51-8

ISBN 978-5-4484-5885-9

© Рунов В. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Введение	6
Глава первая	9
Корни	9
Детство и юность	16
Выбор профессии	19
Глава вторая	22
Польское восстание	22
датская война 1864 года	25
Александр II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валентин Рунов
Гений войны Скобелев
«Белый генерал»

© Рунов В.А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Введение

Вторая половина XIX века в военной истории Российской империи оставила несколько ярких имен, в числе которых, пожалуй, самое видное место занимало имя Михаила Дмитриевича Скобелева. Видно, не зря в день его похорон офицеры Генерального штаба к его гробу возложили венок, на котором было написано «полководцу, Суворову равному». Это было признание реальных заслуг, для оценки которых не нашлось никаких других сравнений...

В то же время нужно признать, что по настоящее время в личности М.Д. Скобелева остается еще слишком много загадок. Обилие литературы о нем – обманчиво. Портрет нашего героя, мотивацию поступков зачастую приходится попросту домысливать. В круговерти драматических событий (революция, Гражданская война) семейный архив Скобелевых, не единожды менявший владельцев, оказался вне пределов России, и все попытки заполучить и изучить его закончились безрезультатно.

Гробовое молчание хранят и государственные архивы Российской Федерации. Из них неведомая рука с особой тщательностью и скрупулезностью отобрала и изъяла многие бесценные документы. Бесследно исчезли послужные списки Скобелева, подлинники приказов, решения Государственного совета... а главное – медицинский акт о вскрытии и многое другое, что могло бы пролить свет на загадочную смерть Белого генерала.

Тем не менее определенная база для исследований создана. Она включает различные опубликованные работы, посвященные жизни и деятельности М.Д. Скобелева, которые условно можно разделить на три группы.

В первую группу следует включить труды, которые были изданы до 1917 года. В этот список было включено около 250 работ, но наиболее интересных из них намного меньше.

Впервые имя М.Д. Скобелева появляется в статье, опубликованной в журнале «Русский вестник» в связи с событиями на бухарской границе. К середине 70-х годов XIX века после Хивинского похода количество печатных трудов, связанных с биографией Скобелева, возрастает. Крупный массив изданий, посвященных М.Д. Скобелеву, вышел после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Но наиболее значительный пласт «скобелевской литературы» появляется уже после его смерти в период 1882–1916 годов. В это время имя генерала Скобелева наряду с именами А. Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова становится символом славных побед, одержанных русской армией, и активно используется для поддержания патриотических настроений и морального духа не только низших чинов и офицеров, но и гражданского населения Российской империи.

Безусловно, особого места в этом списке заслуживают труды публициста В.И. Немировича-Данченко. Произведения этого писателя построены как описания его личных встреч с М.Д. Скобелевым. Вместе с тем они имеют и ряд недостатков. К наиболее существенным из них можно отнести отсутствие четкой внутренней структуры, строгой последовательности изложения материала. К этой же категории «фронтовых репортажей» можно отнести серию публикаций Л.Н. Максимова в издании «Биржевые ведомости».

Заслуживают внимания статьи в газете «Русь», написанные И. Аксаковым сразу после кончины генерала.

Но наибольшую в то время известность получила работа М.М. Филиппова, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», которая содержит подробное изложение биографии военачальника и анализ основных сторон его военного таланта. В качестве источников автором использованы мемуары участников событий и архивные документы. В отдельную главу выделены взгляды генерала на войну и военное дело. К недостаткам труда можно отнести поверхностное освещение отдельных периодов жизни М.Д. Скобелева, не дающее полной картины формирования его как личности и военачальника.

Также большой интерес представляет работа Д.Д. Кашкарова, в которой автор выделяет противоречия, свойственные натуре генерала. С одной стороны, Скобелев любил войну, «как специалист любит свое дело». Но с другой – понимал весь ужас и страдания, которые она приносит. Помимо раскрытия взглядов военачальника на войну и политику вообще Кашкаров приводит его мнение по некоторым частным вопросам европейской и азиатской политики Российской империи.

В отдельную группу необходимо выделить монографии, посвященные Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и содержащие эпизодические упоминания о деятельности генерала Скобелева. Среди них отмечается работа крупного военного историка, генерал-лейтенанта Е.И. Мартынова, а также труды А.К. Субботина и Г.П. Неболсина. Особый интерес представляет работа Е. Толбухова, которая стала одной из первых публикаций, где автору удалось уйти от стереотипа и представить объект исследования не героем с лубочной картинки, а живым человеком, не лишенным недостатков.

Также нужно отметить монографию Н.И. Гродекова, посвященную подготовке и проведению второй Ахалтекинской экспедиции (1880–1881), ценность которой заключается в том, что она написана непосредственным участником этого похода с привлечением большого количества документальных источников.

В целом можно констатировать, что дореволюционные публикации положительно оценивали деятельность М.Д. Скобелева и старались скрыть противоречия, свойственные его личности в различные периоды жизни. В результате этого в дореволюционной России начиная с конца 80-х годов XIX века образ Скобелева было широко почитаем во всех слоях русского общества. Однако неумеренное восхваление заслуг создало своего рода культ Михаила Дмитриевича как неустрашимого царского ура-генерала с лубочной картинки, ставшего атрибутом империи.

В советский период имя М.Д. Скобелева долгое время было незаслуженно выброшено на «свалку истории». Поэтому, как отмечает один из современных исследователей жизни и деятельности генерала Скобелева В.Н. Масальский, «из литературы советского времени взять нечего». Исключение составляют учебные и исследовательские работы, посвященные развитию русского военного искусства во второй половине XIX века, а также издания, вышедшие за рубежом – в Берлине и Париже. В этом ключе несомненный интерес представляет монография Н.Н. Кнорринга, считающаяся одним из лучших исследований, рассказывающих о жизни и деятельности М.Д. Скобелева. Ценность его работы определяется тем, что автор имел доступ к архиву потомков военачальника князей Белосельских-Белозерских, который был вывезен в Лондон. Также большой интерес представляет монография А.А. Керсновского, посвященная истории становления и развития русской армии.

Во время Великой Отечественной войны в советской литературе предпринимались попытки возродить образ М.Д. Скобелева для подъема патриотических чувств народа и воодушевления армии. Тогда генералом А.А. Игнатьевым было подготовлено несколько статей, написан киносценарий и в соавторстве с народным артистом Б.Н. Ливановым пьеса о Скобелеве. Н.Н. Шаповаленко создал историческую пьесу «Смерть Скобелева». Однако ни одна из этих работ не была разрешена к публикации и постановке.

Для современной историографии начиная с начала 90-х годов XX века и по настоящее время характерен возродившийся интерес к личности М.Д. Скобелева. В последние годы в различных изданиях вышли монографии, а также статьи научного и популярного характера, раскрывающие читателям отдельные страницы из жизни этого военачальника.

Особое место в литературе, посвященной генералу Скобелеву, занимает монография В.Н. Масальского, за которую автор был выдвинут Скобелевским комитетом кандидатом на присуждение Макарьевской премии за 2000 год. В то же время Масальский, в угоду веяниям

времени, выдвигает гипотезу о его бонапартистских устремлениях, а также делает попытку раскрыть тайну смерти генерала.

Безусловно, доброго слова заслуживают работы, посвященные М.Д. Скобелеву, историка и публициста Б.А. Костина. Их ценность состоит в детализации жизни и деятельности героя, а также в том, что практически все вехи его биографии наложены на исторический фон, что позволяет выявить отдельные причинно-следственные связи, понять мотивацию многих поступков Михаила Дмитриевича. Также необходимо отметить работы Бориса Васильева «Генерал Скобелев» и «Скобелев», вышедшие в серии «Русские полководцы».

Значительно богаче и разнообразнее список сборников и статей о жизни и деятельности М.Д. Скобелева. В нем выделяются сборник документов и статей «О долге и чести воинской в русской армии», подготовленный к изданию генералом армии В.Н. Лобовым.

В то же время нужно признать, что многие моменты, связанные с жизнью и деятельностью М.Д. Скобелева, пока все еще остаются за пределами проведенных исследований. И это при том, что в российской военной истории крайне мало личностей такого крупного масштаба и такой сложной судьбы.

В 2023 году Скобелевский комитет и администрация Рязанской области широко отметили 180-летие со дня рождения М.Д. Скобелева. Старт был дан в поселке Александро-Невский, где был открыт памятник Михаилу Дмитриевичу. В Рязанском областном художественном музее была открыта выставка под девизом «Полководец, Суворову равный». Мероприятия также прошли в родовом имении Скобелевых – селе Заборово, в музее-усадьбе «Мемориальный комплекс М.Д. Скобелева» где похоронены М.Д. Скобелев и его родители. Однако, к сожалению, в государственном масштабе это событие широкой огласки не получило.

В своей книге я хочу напомнить читателю основные этапы жизни и деятельности М.Д. Скобелева на фоне некоторых событий второй половины XIX века, имевших отношение к нашему герою. С точки зрения профессионального военного историка с позиций прошедшего времени я возьму на себя смелость порассуждать по вопросам военного искусства Михаила Дмитриевича. Но при этом сразу же хочется сделать оговорку и признать, что далеко не все современные взгляды и принципы были присущи времени генерала Скобелева. Поэтому вместо математических моделей боя или операции нередко применялись модели, основанные на личных переживаниях и ощущениях. Поэтому я посчитал необходимым включить в книгу некоторые приказы М.Д. Скобелева, пункты которых, на мой взгляд, позволят более глубоко и всесторонне узнать этого человека.

Глава первая В начале пути

Корни

Судьба любого человека, как и дерева, тесно связана с его корнями. Именно с корней молодой побег берет силу, формирует ствол и лишь затем обзаводится собственной кроной, по которой его и узнают в этой жизни. Так в человеческой «роще» появляются трепетные березы, плакучие ивы и могучие дубы...

Корни М.Д. Скобелева были такими, что из них просто физически не могла вырасти ни трепетная береза, ни плакучая ива. Его предки не просто служили Марсу, но служили ему хорошо и на этом пути добились многого.

Прадед Михаила Дмитриевича Никита Скобелев (крестьянин-однодворец) в молодости был отдан в солдаты и к концу своей 25-летней службы, участвуя во многих сражениях и походах, выслужил чин сержанта. Уволившись по выслуге, он поселился в деревне Новиковка Самарской губернии и занялся сельским хозяйством. Проводя весь день в трудах, он вечерами предоставлял свою избу для сбора крестьян и их детей, которым увлеченно рассказывал о боях и походах. Среди слушателей был и его собственный сын Иван, который в самых торжественных случаях показывал собравшимся пулю, извлеченную лекарем из ноги его отца после очередного жаркого боя.

Никита Скобелев женился на ставропольской дворянке Татьяне Михайловне Коревой, и в этом браке родилось трое сыновей: Федор, Михаил и Иван. Как дети ветерана все они избрали военную карьеру. Федор Никитич Скобелев дослужился до чина полковника, Михаил Никитич умер поручиком.

Дед Михаила Дмитриевича – Иван Никитич Скобелев, который родился в 1778 году, не только пережил своих братьев, не оставивших после себя наследников, но и получил все наследство его отца, которое он приумножил и оставил своим детям. Но он выбрал для себя путь воина и в 14 лет от роду по ходатайству отца был записан на военную службу солдатом в первостепенный полевой Оренбургский полк. В составе этого полка он участвовал в Итальянском походе Суворова, неоднократно отличился в боях и в 1803 году, в возрасте 25 лет, получил первый офицерский чин прапорщика.

Последующая офицерская карьера Ивана Никитича складывалась достаточно удачно. В 1806 году он был прикомандирован к генералу Эриксону для участия в формировании 26-го Егерского полка. В Финляндскую кампанию 1808–1809 годов он участвовал в двадцати сражениях и дважды был ранен. Затем, во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, состоя адъютантом при известном генерале Н.Н. Раевском, И.Н. Скобелев участвовал без малого во всех сражениях против турок, в особенности отличившись при взятии Силистрии и Шумлы. При этом он был еще несколько раз ранен.

С началом Отечественной войны 1812 года И.Н. Скобелев был адъютантом главнокомандующего М.И. Кутузова. Он участвовал в Бородинском сражении, в боях под Малоярославцем и при Красном. Ему выпала горькая участь сопровождать тело Кутузова из Бунцлау в Петербург. Затем он принимал участие во всех крупных сражениях русской армии 1813, 1814 и 1815 годов. За эти годы он выслужил чин полковника и получил несколько боевых наград, в том числе медаль «За взятие Парижа». Этой медалью он гордился особенно.

Безусловно, И.Н. Скобелев был честный служака и абсолютно преданный престолу человек. Он любил говорить: «За царем служба, а за Богом молитва, никогда не пропадет». И, сле-

дую этому правилу, он требовал службы от своих подчиненных. Не исключено, что именно это качество стало решающим при производстве Ивана Никитича в генеральский чин.

И.Н. Скобелев не был «паркетным генералом». Он знал цену жизни и заработал свои два Георгиевских креста дорогой ценой. 25 июня 1807 года, в сражении под Фридландом, он был ранен пулей навылет в правую ногу. 20 августа 1808 года, при завоевании Финляндии, ему оторвало два пальца правой руки и контузило грудь. 18 марта 1814 года под Парижем он был ранен в левую руку, а 14 апреля 1831 года в сражении с польскими мятежниками Ивану Никитичу ядром оторвало кисть левой руки. Но он, несмотря на все свои раны, после лечения снова и снова возвращался на военную службу.

В 1821 году, будучи генерал-полициймейстером Первой армии, И.Н. Скобелев неожиданно для многих встал на защиту взбунтовавшихся солдат лейб-гвардии Семеновского полка, которые не выдержали жестокой муштры и издевательств со стороны некоторых офицеров. Тогда он провел тщательное расследование случившегося, добился оправдания многих солдат, а под конец даже заявил, что полиция в армии не нужна. Последнее далеко не всем пришлось по душе, и над Скобелевым даже нависли тучи опалы. Но благодаря вмешательству императора Александра I, который хорошо помнил Ивана Никитича по его предыдущей службе, дело было прекращено.

Видимо, урок, полученный при расследовании бунта семеновцев, для него не прошел зря. Иван Никитич в последующей своей службе стал не только более жестким, но и сильно подозрительным. В частности известно, что в период с 1822 по 1826 год он, желая угодить власти, даже написал ряд доносов на либерально настроенных генералов Балашова и Закревского, а также на случайно знакомого ему А.С. Пушкина, который имел неосторожность «в присутствии многих гостей непочтительно отзываться о государе».

Но это только одна из сторон жизни этого человека. Была и вторая, тесно связанная с публицистикой. Она раскрылась довольно поздно, уже после 50 лет, но не исключено, что тайно жила в нем и ранее долгие годы.

В 1831 году И.Н. Скобелев напечатал сборник коротких рассказов под заглавием «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году», встретивший сочувствие в публике и в печати. Поэт И. Веревкин, более того, написал по поводу выхода в свет «Подарка» вирши в честь его автора, которые были напечатаны в «Северной пчеле» и в «Русской старине». С 1834 года на страницах «Библиотеки для чтения» стали появляться рассказы русского инвалида, под этим псевдонимом скрывался И.Н. Скобелев. Правда, они не были окончены вследствие того, что автор был назначен инспектором резервной пехоты, дислоцировавшейся в Нижнем Новгороде. Памятником трехлетней деятельности Скобелева в этом звании были также и его «Приказы», выпущенные отдельной книгой в 1836 году. Позже Скобелев печатал свои труды в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках» и выпустил в свет «Беседы русского инвалида, или Новый подарок товарищам» (1838).

В 1839 году неожиданно для себя И.Н. Скобелев был назначен комендантом Петропавловской крепости. В этом качестве состоял до конца своей военной службы, выслужив чин генерала от инфантерии. Он оставил о себе память как о сострадательном человеке. Благодаря его ходатайству были освобождены из заточения декабрист Г.С. Батенков, прапорщик И.В. Браккель и некоторые другие узники, искренне раскаявшиеся в своих проступках.

Продолжалась и писательская деятельность Ивана Никитича. В 1839 году по его сценарию на сцене Александринского театра были поставлены две пьесы: «Кремлевский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году», которые имели успех, в особенности первая. В 1839 году из-под его пера вышли «Письма из Бородина от безрукого к безногому инвалиду». Была издана брошюра под названием «Переписка и рассказы русского инвалида», которая затем переиздавалась в 1841 и 1844 годах. Характерными особенностями произведений И.Н. Скобелева, которые в силу его малограмотности подвергались исправлению со стороны его друга Н.И. Греча,

были оригинальная форма и простота изложения материала, который был доступен и понятен всем, от вельможи до простолюдина. Об этом писали многие литературные критики того времени, в том числе С.Д. Григорович в своей книге «Русские знаменитые простолюдины», изданной в Санкт-Петербурге в 1860 году.

В наставлении к своему сыну Скобелев-дед писал: «Советую не забывать, что ты не более как сын русского солдата и что в родословной твоей первый, свинцом означенный кружок – вмещает порохом закопченную фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать было ему легче. Впрочем, фамилию свою можешь ты не краснея произносить во всех углах нашего обширного Отечества. И сей, исключительно важнейший для гражданина шаг, ты не употребляя собственного труда, уже сделал, опершись на бедный полуостров грешного тела отца своего, который пролил свою кровь за честь и славу Белого Царя и положил фунтов пять костей на престол милого Отечества».

Он умер в 1849 году, оставив добрую память в сердце своего внука.

Иван Никитич был женат дважды. Второй его женой была Надежда Дмитриевна Дурова, дочь владимирского предводителя дворянства. У них было две дочери и восемь сыновей. К несчастью, мало кто из этой семьи дожил до старости. Один из сыновей утонул в Оке, а пятеро – умерли во младенчестве.

Отец будущего полководца – Дмитрий Иванович Скобелев родился 5 октября 1821 года и был записан как дворянин Калужской губернии и сын генерала. В юности он воспитывался в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. После ее окончания в 1838 году начал строевую службу унтер-офицером самого привилегированного в русской армии лейб-гвардии Кавалергардского полка, где в 1840 году был произведен в корнеты.

Служба в гвардии и связи при дворе сыграли свою роль. В 1846 году Д.И. Скобелев был назначен адъютантом к военному министру генерал-адъютанту князю А.И. Чернышеву, состоя при котором исполнял различные поручения по сбору справочных данных и по следственным делам. В 1849 году в чине штабс-ротмистра был назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и командирован по высочайшему повелению в города Вильно и Бобруйск для производства следствия по делу о побеге рекрутов, которые должны были призываться на военную службу с территории Литвы и Белоруссии. Но, к его счастью, события в Венгрии избавили его от этого дела.

В 1849 году Д.И. Скобелев принял участие в Венгерской кампании. Он был назначен в 5-й пехотный корпус в Трансильванию «для военных действий и для наблюдения за исправностью снабжения одного корпуса всем необходимым». С 9 июня по 7 августа Дмитрий Иванович находился в составе действовавших войск и участвовал в ряде сражений. За боевые заслуги и проявленную храбрость он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, орденом Св. Анны 2-й степени, а также австрийским орденом Железной короны 3-й степени, а в 1850 году произведен в ротмистры.

Вернувшись из Венгерского похода, Д.И. Скобелев был направлен в командировку и «находился на смотрах и ученьях в Сувалках, Ковно, Белой Церкви, Варшаве, Елизаветграде, Чугуеве и Вознесенске». В 1851 году он был прикомандирован к Кавалергардскому полку для прохождения строевой службы и оставался в нем до июня 1852 года, выполнив за этот промежуток времени целый ряд разнообразных служебных командировок в губерниях Архангельской, Таврической, Херсонской, Екатеринославской и Могилевской.

В конце февраля 1853 года Д.И. Скобелев по высочайшему повелению был командирован в город Севастополь для приведения на военное положение 13-й пехотной дивизии. Исполнив это назначение и произведя подробный осмотр военно-госпитальных учреждений в Севастополе, Кинбурне, Симферополе, Перекопе, Феодосии, Керчи и Херсоне, он в связи с началом Крымской войны отправился с названной дивизией морем на Кавказ. Здесь Скобелев участвует в сражении при Баяндуре, находясь под начальством князя Орбелиани, и значится в списке

«особенно отличившихся». Наградой офицеру становится золотая шпага с надписью «За храбрость».

Затем Дмитрий Иванович участвовал в Баш-Кадыкларском сражении, за отличие в котором был произведен в полковники и награжден орденом Св. Анны 2-й степени с короною. В 1854 году он, командуя тремя сотнями кубанских казаков, проводит ряд успешных боев против турок, за что был награжден орденами Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия 4-й степени.

В 1855 году по высочайшему повелению Д.И. Скобелев назначается исправляющим должность походного атамана донских казачьих полков, расположенных в Финляндии. Правда, в этой должности он оставался недолго. Уже в следующем году он был назначен командиром вновь формирувавшегося Елизаветградского драгунского принца Карла Баварского полка, а в 1857 году – командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. За хороший вид и выправку гренадер на императорском смотре в 1858 году ему был пожалован перстень с вензелевым изображением высочайшего имени, а вскоре после этого состоялось его назначение на должность командира собственного Его Величества конвоя, с зачислением по гвардейской кавалерии и с оставлением в звании флигель-адъютанта. А в 1860 году Д.И. Скобелев был произведен в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества.

Но, как видно, придворная жизнь мало привлекала генерала. В 1864 году по собственному прошению Д.И. Скобелев был отчислен от должности командира собственного Его Величества конвоя, правда, с оставлением в свите Его Величества и с сохранением мундира лейб-гвардии казачьих эскадронов собственного Его Величества конвоя.

В 1869 году Дмитрий Иванович произведен в генерал-лейтенанты, назначен заведовать ротой дворцовых гренадер. В январе 1877 года он возглавил вновь сформированную Кавказскую казачью бригаду и командовал ею до перехода русских войск через Дунай, а за отличие под Плевной был награжден орденом Белого орла с мечами. В 1878 году Дмитрий Иванович участвовал во взятии Филиппополя, за что получил орден Святого Георгия 3-й степени. В 1878 году он вновь был назначен состоять при генерал-инспекторе кавалерии.

Еще в молодости, будучи блестящим гвардейским офицером, Дмитрий Иванович женился на Полтавцевой Ольге Николаевне, дочери отставного поручика, выпускнице Смольного института. Ольга была на то время очень образованной, красивой и умной девушкой, знала французский язык в совершенстве и обладала отменным вкусом. Современникам запомнилась ее внешность: брюнетка среднего роста с умным энергичным и добрым лицом.

У Ольги было еще две сестры. Одна из них была замужем за графом Адлербергом – бывшим министром двора, другая – за графом Барановым. Наличие столь именитых и знатных родственников, конечно же, сыграло немалую роль в жизни будущего полководца.

17 сентября 1843 года в семье Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны Скобелевых родился сын, которого назвали Михаилом. Таким образом, Михаил Скобелев был внуком и сыном генералов, хорошо зарекомендовавших себя на службе государю и Отечеству. Правда, современники утверждали, что Дмитрий Иванович не очень стремился к военной карьере, его больше интересовали дом, хозяйство, дети. Д.И. Скобелев был достаточно богатым человеком, владельцем 40 тысяч десятин земли, и он внимательно следил за тем, насколько тщательно обрабатываются эти земли, в каком состоянии находятся крестьянские деревни (до 1861 года крестьяне были крепостными), дороги, мосты.

Любовь к хозяйству Дмитрий Иванович сохранил до конца своей жизни. Позже, когда семейство собиралось в своем родовом поместье Спасское-Заборово Рязского уезда Рязанской губернии, Михаил Дмитриевич часто подшучивал по этому поводу над отцом. Тот вроде бы досадовал, но был безмерно рад за сына, за его успехи и воинский талант.

Между отцом и сыном Скобелевыми, по мнению знавших их людей, отношения были довольно странными. Они любили друг друга и в то же время нередко вели себя как враги.

Старший Скобелев ревновал сына к успешной карьере и постоянно упрекал молодого и неразборчивого в связях с женщинами и друзьями. Младший называл отца скрягой, постоянно кланчил у него деньги и откровенно дразнил. Они были в равных чинах, но младший Скобелев уже имел два Георгиевских креста и во второй части Русско-турецкой войны командовал большими отрядами.

– Я по служебному положению старше тебя, – говорил сын.

– А я тебе денег не дам, – парировал Скобелев-старший.

– Как это не дам? – удивлялся сын.

– А так, не дам. Живи на жалованье...

– Но, папа, я без твоей поддержки, без твоего совета жить не смогу.

– Куда уж там... – смягчился Дмитрий Иванович. – Стать генералом еще не значит быть генералом. А этот чин обязывает многому. Но все равно денег не дам.

Нужно сказать, что у Михаила Дмитриевича никогда не было денег. Когда они у него появлялись, он раздавал их щедрой рукой налево и направо. Когда денег не было, брал в долг. При этом забывал, кто ему должен и кому должен он сам.

Однажды, когда отец в очередной раз отказал сыну в деньгах, Михаил Дмитриевич заявил:

– Я, отец, твоей скупости всей своей карьерой обязан.

– Как это так? – удивился отец.

– А так. Когда закрыли университет, я хотел ехать доучиваться за границу, – рассказывал Скобелев. – Но ты, отец, не дал мне на это денег, и я вынужден был поступить юнкером в кавалергарды. Там ты мне тоже не дал денег, и я вынужден был перевестись в гусары и направиться в Польшу. В гусарах ты меня тоже не поддержал.

– Не поддержал? – переспросил Скобелев-старший. – Но только постоянно твои долги оплачивал.

– Какие-то гроши, – уточнил сын. – А по-настоящему не поддерживал, и я вынужден был перевестись в Тифлис. Но там жизнь оказалась дорогая, и я перевелся в Туркестан. Потом твоя жадность загнала меня в Хиву, а затем – еще дальше – в Фергану.

– Именно Туркестан и Фергана тебя человеком сделали, – парировал Дмитрий Иванович.

В то время отец постоянно интересовался делами сына, переживал за него. Когда узнал, что Михаил Дмитриевич заболел, был очень расстроен.

Скобелев-старший и в самом деле был скуповат. Когда он умер, сыну достались большие суммы.

Однажды на позиции Скобелев-младший прогуливался с офицерами. Неожиданно появился отец. Офицеры забеспокоились.

– Сейчас отец уйдет, – пообещал Михаил Дмитриевич.

Он подошел к отцу и начал просить денег.

Скобелев-старший поспешно ушел с позиции.

Для крестьян, проживавших в окрестностях, Дмитрий Иванович запомнился все-таки рачительным хозяином. Он достроил в имении так называемый «большой дом» и «маленький», в котором обычно жил и работал Михаил Дмитриевич Скобелев, когда навещался в отчие края. Он построил каменный скотный двор, выписал и развел чистопородный скот, посадил прекрасный парк. Хозяйство он вел сам и поднял его на большую высоту, как писал Доброхотов. При нем произошло освобождение крестьян от крепостной зависимости. В дошедших до нас преданиях крестьяне о нем отзывались как о хорошем хозяине, скуповатом, но, однако, никогда не обижающем крестьян.

Скончался Дмитрий Иванович внезапно на 59-м году жизни 27 декабря 1879 года и был похоронен в церкви села Спасское-Заборово.

Мать М.Д. Скобелева, Ольга Николаевна, пользовалась огромной любовью сына и сама его очень любила.

Семья часто проживала в своем имении, и окрестные крестьяне хорошо запомнили Ольгу Николаевну «как мать помещика, понимавшую крестьянскую нужду». Еще она собрала за 20 лет в своем доме большую библиотеку, составила на нее каталог, много времени уделяла детям, их воспитанию. Когда семейство собиралось в своем имении, то дом наполнялся шумом и гостями: к Дмитрию Ивановичу приезжали однополчане, к Михаилу Дмитриевичу – товарищи, к дочерям – многочисленные подруги.

Она даже посещала Михаила Дмитриевича в походной обстановке во время пребывания того на Балканах. А после смерти мужа она отправилась на Балканы, где руководила болгарским Красным Крестом, открывала приюты и школы для детей.

6 июля 1880 года она была зверски убита на территории Восточной Румелии. В тот день она направилась на смотр окрестностей Филиппополя. В 5 километрах от города на путешественников напали вооруженные разбойники во главе с 29-летним капитаном румелийской полиции Алексеем Узатисом. Поразительно то, что во время войны этот человек в чине поручика был ординарцем М.Д. Скобелева, за храбрость им был награжден орденом Св. Владимира с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость». Именно этот человек саблей и зарубил Ольгу Николаевну, убили и нескольких ее спутников. Однако сопровождавший коляску унтер-офицер Матвей Иванов, несмотря на ранение, смог убежать и поднял тревогу. Узатиса догнали, окружили, и, видя безнадежность своего положения, он застрелился. Позже выяснилось, что причиной нападения и убийства стало то, что Узатис знал, что при Ольге Николаевне находится сумка, в которой она хранила свои наличные деньги – 25 тысяч рублей.

В журнале «Болгарская женщина» за 1964 год генерал-лейтенант Иван Винаров опубликовал статью об Ольге Николаевне, где говорилось о намеренном нападении на эту замечательную русскую женщину, которая много сделала для детей и обездоленных граждан Болгарии. Кому-то надо было прекратить ее полезную деятельность, благодаря которой еще больше увеличивалась любовь болгарского народа к своим русским освободителям. Правда, это не удалось. После ее гибели филиппопольский городской совет поставил памятник на месте убийства Ольги Николаевны, который стоит и поныне. На нем русская женщина изображена с болгарскими детьми, которых она спасала.

Правда, другой исследователь, Доброхотов, собиравший материал о Скобелевых, считал, что Азатис не знал, на кого напала шайка, иначе он не позволил бы совершиться злодеянию. Узнав же, покончил с собой. Но, думается, это нисколько не смягчает вину человека, который из-за своей алчности пошел на убийство, тем более известной в тех местах женщины.

Смерть Ольги Николаевны поразила ее сына – Михаила Дмитриевича, горячо любившего свою мать; он плакал, как младенец и не выходил весь день из своей палатки. Похоронили ее в родовом имении в церкви, рядом с мужем.

После смерти родителей Михаил Дмитриевич в их память заказал художнику Тюрину иконы их святых покровителей – святого Дмитрия Ростовского и святой Равноапостольной княгини Ольги. Вначале они были предназначены для церкви в родном имении, но так как художник в лицах святых изобразил родителей генерала, Михаил Дмитриевич не отдал их в церковь, а постоянно возил с собой. Со временем на этих портретах, оставшихся в доме Скобелева, тем же художником были изображены одежды, в которых обычно ходили родители. Долгое время портреты-иконы украшали дом Скобелевых, находившийся в деревне Спасской, но после революционных бурь 1917 года они исчезли. Где находятся эти портреты сейчас – неизвестно.

Михаил был единственным сыном в семье Дмитрия Ивановича Скобелева. Кроме него в семье еще три дочери: Надежда, Ольга и Зинаида.

Старшая – Надежда Дмитриевна была замужем за князем К.Э. Белосельским-Белозерским, средняя, Ольга Дмитриевна, за В.П. Шереметевым, младшая, Зинаида Дмитриевна, за его высочеством Евгением Максимилиановичем, князем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, сыном покойной великой княгини Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского.

Таким образом, родословная М.Д. Скобелева буквально насыщена громкими именами людей, которые играли видную роль в истории России второй половины XIX века. С одной стороны, родственные связи всегда помогали Михаилу Дмитриевичу успешно решать различные служебные и житейские задачи, с другой – накладывали на него дополнительную ответственность, так как нужно было «соответствовать положению». Однако вся его жизнь и военная деятельность были посвящены служению Отечеству, которое он ставил превыше всего и для которого реально сделал немало.

Детство и юность

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 года. Он был внуком генерала от инфантерии и сыном блестящего гвардейского офицера, семья которого имела родственные связи в высшем российском обществе и непосредственно при императорском дворе. И дед, и отец делали все от них зависящее для того, чтобы воспитать Михаила настоящим мужчиной.

Но отцу некогда было заниматься воспитанием сына. Пока Дмитрий Иванович ездил по своим командировкам, его воспитанием занимались дед и ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский.

Но когда отец возвращался из очередной длительной командировки – маленький Миша был полностью под его влиянием. И это неудивительно. Личность отца – не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей голос. С его появлением дом наполнялся шумом, шутками.

Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда отец, дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом, к великой радости, на его глазах разыграют спектакль, в котором непременно участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли.

Дядька Григорий, водрузив крестника на спину, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коленей. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная троица дружно распевала:

Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Разве в юной душе не запечатлелись эти импровизированные баталии? Разве детское сердечко не билось учащенно, внимая рассказам о пути, пройденном Россией?

Семья Скобелевых жила в Петербурге, а на лето выезжала в имение Спасское, находившееся в Рязанской губернии. Воспитанием юного Михаила занимался немец-гувернер. И маленький Миша, который воспитывался под впечатлением о военных подвигах его отца, постоянно «воевал» с учителями и гувернерами.

Гувернер-немец оказался человеком грубым и жестоким, он бил мальчика прутком за плохо выученный урок и за всякий другой пустяк. Миша Скобелев, который с детских лет отличался буйством и своенравием, сердился и негодовал. Между гувернером и воспитанником возникла вражда. Однажды гувернер, который ухаживал за какой-то дамой, отправляясь к ней, надел фрак, цилиндр, новые перчатки. Михаил, видя приготовления немца, измазал ручку двери ваксой, которой гувернер испортил свою одежду. Свидание не состоялось.

В 12 лет Миша влюбился в деревенскую девочку такого же возраста. Но когда он приехал к ней верхом, встретил гувернера. Тот за какую-то провинность отругал мальчика и даже при девочке ударил его по щеке. В ответ юный Скобелев плюнул немцу в лицо и в свою очередь отвесил ему пощечину. После этого их дальнейшее совместное проживание стало невозможным.

Дмитрий Иванович, вернувшись из походов, нашел обучение и воспитание сына неудовлетворительным. Немец получил расчет и навсегда исчез из жизни Скобелевых. Но и Михаил был подвергнут самому суровому экзамену на знание различных дисциплин и по физической

подготовке. После этого экзамена суровый полковник заявил жене, что ни ликом, ни телом, ни норовом их сын для военной службы не подходит и поэтому его нужно готовить к другому виду деятельности. При этом вопрос о получении хорошего образования был поставлен на первое место.

На одном из великосветских приемов Д.И. Скобелеву был представлен владелец парижского пансиона Дезидерей Жирарде, который пользовался хорошей репутацией среди русских аристократов. Полковнику он понравился тем, что имел хорошие манеры, сдержанно рассуждал на разные темы и прекрасно владел русским языком. После этой встречи судьба Михаила была решена, и вскоре он оказался в Париже.

Учеба в пансионе Михаилу пришлась по душе. Жирарде оказался не только хорошим организатором обучения, но и душевным, отзывчивым человеком. Вскоре учитель и ученик по-настоящему сдружились.

Спустя год в Париж навестить сына приехала Ольга Николаевна Скобелева. В письме мужу она писала: «Нашему старому другу (Жирарде. – *Авт.*) мы обязаны тем, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру. Наставник развил в нем честные инстинкты и вывел его на верную дорогу...»

Сам Жирарде о своем воспитаннике отзывался так: «Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик, очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения». В то же время наставник считал, что «он плохо кончит... потому, что он сумасшедший, этот юноша!». Имелось в виду то, что юный Михаил часто возмущался и восставал против общепринятых правил, не всегда проявлял должный такт не только к своим товарищам, но и к воспитателям.

В целом М.Д. Скобелев провел во Франции пять лет. За это время он овладел восемью европейскими языками, выучил наизусть большие отрывки из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Хомякова, И.В. Кириевского. Прочитал лучшие романы Бальзака, Шеридана, Спенсера, Геймли и других зарубежных авторов. Но больше всего юный Михаил полюбил историю, особенно ее военную составляющую. По свидетельству Жирарде, он мог часами разбирать схему какого-то сражения, наизусть знал имена и биографии многих видных военачальников и нередко задавал вопросы, ответы на которые требовали специальных военных знаний.

В то же время годы, проведенные в Париже, вдали от Родины, безусловно, повлияли на формирование характера Михаила Скобелева. После завершения Крымской войны в Европе о России говорили с некоторым пренебрежением. Это приводило к тому, что юные выходцы из России, стесняясь принадлежности к своей стране, как губка впитывали в себя западную культуру и западные ценности. Скобелев не был исключением из этого правила, хотя советские исследователи и утверждают обратное. Об этом свидетельствует уже такой факт, что все его письма из Парижа в Россию были написаны по-французски или по-немецки, и в них заграничная жизнь описывалась в самых радужных красках.

В 1860 году М.Д. Скобелев вернулся в Россию для того, чтобы начать подготовку к поступлению в Петербургский университет на математический факультет. Вместе с ним в Россию приехал и Жирарде, который продолжал обучение своего воспитанника. Непосредственной подготовкой к экзаменам занимался профессор Л.Н. Модзалевский. Михаил готовился вместе со своим родственником, сыном министра двора юным Адлербергом. Подготовка, по заключению Модзалевского, прошла успешно, и экзамен, «свидетелем которого были некоторые профессора и попечитель», был сдан успешно.

В 1861 году М.Д. Скобелев поступил в Петербургский университет на выбранный им математический факультет. Однако проучился он недолго. В связи со студенческими волнениями, начавшимися после отмены крепостного права, занятия в университете временно были приостановлены.

Об участии Михаила Скобелева в этих волнениях сведений нет. Более поздние гипотезы советских авторов о том, что он, «пропитанный духом французской революции», не мог остаться равнодушным к событиям, происходившим в России, не более чем домыслы. Зато сохранились воспоминания о нем того периода, оставленные его соучеником А.Ф. Кони. В частности, он пишет, что, когда они встретились впервые, «вышел мне навстречу молодой стройный человек высокого роста с едва пробивавшейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко стриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно-вежливы и обличали хорошее воспитание...».

Едва ли этот столичный щеголь и изысканно-вежливый человек, внук и сын генералов, совсем недавно приехавший из-за границы, мог стать смутьяном в не совсем понятной ему России? Уж слишком большая пропасть отделяла внука коменданта Петропавловской крепости и сына начальника императорского конвоя от небогатого в основной массе университетского студенчества. К тому же с приходом к власти нового императора Александра II во внутренней политике России обозначились перемены, которые в последующем будут названы реформами.

Отмена крепостного права буквально всколыхнула общество Российской империи, прежде всего так называемое «высшее общество». Дворяне-крепостники были в полной растерянности, зарождавшиеся капиталисты-промышленники – на подъеме. Но при этом все они были под впечатлением поражения России в Восточной (Крымской) войне и жаждали перемен.

Перед Михаилом Скобелевым также остро встал вопрос о том, что делать дальше. Михаил Дмитриевич не хотел болтаться без дела и ждать, когда занятия в университете начнутся снова. Более того, как внук и сын военных он в душе даже осуждал своих товарищей, затеявших смуту и тем самым подрывающих устои государства. Он все больше склонялся к тому, что должен посвятить себя служению России в качестве офицера, и однажды прямо заявил об этом отцу.

Дмитрий Иванович на этот раз выслушал его внимательно, не перебивая и не делая никаких замечаний. К тому времени он уже в корне изменил свое мнение в отношении того, что сын не годен для военной службы и ему нужно строить карьеру по гражданской линии.

– Скобелевы верно служили престолу и Родине много лет, – сказал он. – Послужи и ты. Но только служи так, чтобы мне за тебя краснеть не пришлось.

Вечером того же дня под диктовку отца Михаил написал прошение на имя императора о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, которое отец обещал передать по назначению. Несколько дней спустя он принес бумагу, на которой размашистым почерком Александра II было написано всего одно слово «Удовлетворить», которое и определило дальнейшую судьбу нашего героя.

Выбор профессии

По протекции отца 22 ноября 1861 года Михаил Скобелев был зачислен на военную службу в лейб-гвардии Кавалергардский полк – самый привилегированный полк в русской императорской армии.

Само слово «кавалергард» произошло от сочетания французских слов *cavalier* – всадник, *garde* – охрана. Эта часть создавалась 30 марта 1724 года как особое воинское формирование, первоначально предназначенное для выполнения функции почётной охраны императрицы Екатерины I, сформированное ко дню её коронации. Тогда сам государь Пётр I принял на себя звание их капитана. Офицерами числились генералы и полковники, капрами – подполковники, а рядовые (60 чел.) были выбраны из самых рослых и представительных обер-офицеров. Этой конной роте кавалергардов дана была особая нарядная форма, серебряные трубы и литавры. Правда, после окончания коронационных торжеств рота кавалергардов была расформирована.

Взойдя на престол, Екатерина I 30 апреля 1726 года восстановила «кавалергарию», приняв на себя звание её капитана, но в 1731 году данная рота вновь была расформирована.

Екатериной II в 1762 году рота кавалергардов была восстановлена. На этот раз она формировалась исключительно из бывших лейб-кампанцев. Звание их шефов носили высшие сановники, а рядовые (числом 60–64) состояли в чинах секунд-майоров, капитанов и поручиков.

Взойдя на престол, император Павел I то распускал, то снова восстанавливал кавалергардов. В 1799 году он снова восстановил их в качестве гвардии императора, как великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского в связи с принятием на себя этой должности. В состав этой роты вошло 189 человек разных чинов из дворян, имевших знак ордена Мальтийского креста.

11 января 1800 года создается трёхэскадронный Кавалергардский полк, который и вошёл в состав войск гвардии, на одинаковых правах с прочими гвардейскими полками и без сохранения привилегии комплектования только дворянами. В последующем Александр I увеличил состав полка до пяти эскадронов.

Боевое крещение Кавалергардский полк принял 20 ноября 1805 года в сражении под Аустерлицем. Тогда в критический момент сражения, когда русская гвардия была прижата превосходящими силами французов к Раустицкому ручью, кавалергарды переправились через ручей по плотине и атаковали легкую французскую кавалерию. В этом бою полк, покрыв себя славой, потерял треть офицеров и 226 нижних чинов. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» одним из кавалергардов в этом сражении изображен Андрей Болконский, павший раненым на поле боя со знаменем в руках.

В 1812 году Кавалергардский полк отличился в сражении под Бородино, где вступил в бой в критический момент, во время третьей атаки французов на батарею Раевского. В этом бою полк потерял 14 офицеров и 93 нижних чина. Правда, после этого особых боевых заслуг за полком не числилось.

В полку в разное время служили такие известные люди, как герой Отечественной войны 1812 года поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, декабристы Сергей Григорьевич Волконский, Михаил Сергеевич Лунин и Александр Михайлович Муравьев, а также убийца А.С. Пушкина Жорж Дантес. С этим полком было связано начало службы и отца М.Д. Скобелева Дмитрия Ивановича...

Когда М.Д. Скобелев поступил в Кавалергардский полк, им командовал генерал-майор свиты князь Владимир Иванович Барятинский. Полк по-прежнему сохранял свое первенство среди полков гвардии и комплектовался отборными кадрами.

Правда, как признают современники, князь В.И. Барятинский получил тяжелое наследие – распущенный и опустившийся состав офицеров этого некогда самого блестящего полка. Относительно офицерского состава достаточно сказать, что многие из них не имели никакого военного образования и очень слабое, зачастую домашнее, общее образование. Более того, подавляющая часть офицеров только числились на военной службе, а сами постоянно находились в отпусках в своих имениях. Так, при приеме полка Барятинский указал, что «налицо оказалось только 16 офицеров, и из них только один разговаривал по-французски», а в хозяйственном отношении полк был «вполне разоренным».

Нравы офицеров-кавалергардов были невысокими, из-за чего их не жаловали в высшем обществе Петербурга. Да и сами офицеры в большинстве своем не стремились попасть в светские салоны, предпочитая тому кутежи, далеко не всегда приличные, и картежную игру, далеко не всегда корректную. Дошло до того, что старые кавалергарды стали отдавать своих сыновей и родственников в другие полки...

Князь В.И. Барятинский повел решительную борьбу за восстановление доброго имени Кавалергардского полка. Прежде всего, он добился исключения из его состава мертвых душ, а затем настоял на том, чтобы в полк принимали только самых достойных. Для этого он сам «ездил в кавалерийскую школу приглашать офицеров, чтобы они выходили в Кавалергардский полк».

Следующим шагом было укрепление дисциплины и порядка. Поводом тому послужил самовольный вывод одним из эскадронных командиров 7 мая 1865 года своего подразделения по тревоге. При этом дошло до того, что некоторые офицеры, прибывшие в полк после обильного застолья, были настолько пьяны и распущенны, что на виду у подчиненных «вскочили на коров, попавшихся им по дороге на Царицын луг». Барятинский счел это недопустимым, и провинившимся офицерам было предложено перевестись в другие полки или вовсе уволиться с военной службы.

Для того чтобы приучить офицеров к «свету», командир полка привлек свою жену княгиню Бетси, которую многие относили к числу «прелестных барынь». По ее приглашению в дом командира полка ежедневно к обеду прибывало кроме дежурного по полку еще несколько офицеров. Один из офицеров должен был провожать княгиню к столу под руку. Обедали в парадных мундирах с соблюдением всех норм этикета. За столом требовалось вести светскую беседу на самые различные темы: поэзия, живопись. Поддерживать такую беседу для некоторых офицеров было очень трудно.

Пять с половиною лет прокомандовал князь В.И. Барятинский кавалергардами. За это время он успел сделать очень многое и, как тогда выражались, «поставить кавалергардов на принадлежащее им место».

Михаил Скобелев, придя в полк, начал постигать первые премудрости военного дела. Несмотря на то что отношение к нему со стороны командиров было достаточно лояльным, он должен был выполнять определенные требования – ежедневно участвовать в строевых занятиях, заниматься верховой ездой, ружейными приемами, стрельбой, гимнастикой, осваивать основы фехтования и сабельной рубки, изучать уставы. Позже он рассказывал, что после нескольких часов занятий, возвращаясь в свою комнату, он буквально валился с ног от усталости, но проходило совсем немного времени и дежурный снова давал команду на построение.

8 сентября 1862 года Михаил Скобелев после сдачи установленного экзамена был произведен в портупей-юнкера. Это было звание, которое было установлено в 1788 году специально для отличия лучших. Им удостаивались только те из юнкеров, которые отмечались за качественное исполнение служебных обязанностей и успехи в военных науках. Важно было то, что по выслуге трех лет портупей-юнкера по представлению непосредственного начальника и при наличии вакансии производились в первый офицерский чин.

В портупей-юнкерах Михаил Скобелев ходил недолго. Уже 31 марта 1863 года он был произведен в корнеты лейб-гвардии Кавалергардского полка. Тогда он, впервые надев белоснежный офицерский мундир, уже в этом качестве поехал представляться родителям. А всего через несколько дней после этого в числе молодых офицеров гвардии он был приглашен в Зимний дворец для представления императору Александру II. Как положено кавалергарду, он стоял на правом фланге шеренги молодых офицеров, и подошедший к строю император, услышав его доклад, приветливо улыбнулся:

– Я хорошо помню твоего деда, знаю отца. Верю, что сын будет служить не хуже, – сказал он.

В этих словах царя Михаил Дмитриевич уловил нечто большее, чем обычную дежурную фразу. Он воспринял ее как наказ, которому следовал всю свою оставшуюся жизнь.

Глава вторая На переломе

Польское восстание

Наступил тревожный для России 1863 год, и в очередной раз восстала Польша. Либеральные устремления русского правительства стали тому причиной. В результате поражения в Крымской войне у поляков сложилось мнение о слабости России, которую они считали своим поработителем, особенно после подавления восстания 1830–1831 годов.

Восстание началось не сразу. Ему предшествовали волнения, которые приобретали все более организованный характер и охватывали все новые районы. Дряхлый генерал-губернатор князь М.Д. Горчаков явно не справлялся с управлением краем. Гражданский генерал-губернатор маркиз Велепольский вырывал у него одну уступку полякам за другой. На территории Польши и Литвы был развязан настоящий террор против русских: убивали солдат и чиновников. Всего за период с 1859 по 1863 год было совершено свыше пяти тысяч убийств.

Великий князь Константин Николаевич, назначенный наместником в Варшаву после смерти Горчакова, также всячески избегал крутых мер, что только усложнило обстановку. Дошло до того, что во время католического праздника Тела Господня в Варшаве, Вильно, Гродно и других городах по требованию местной администрации для отдания чести процессиям вызывались русские воинские караулы. Проходившие мимо них поляки, особенно женщины, оскорбляли солдат словами и осыпали плевками «пшеклятых москалей», а оплеванные солдаты должны были безмолвно отдавать почести своим оскорбителям.

В декабре 1862 года состоялся съезд «Ржонда народов», на котором поляки решили перейти к более решительным действиям. Сигналом к восстанию должен был послужить рекрутский набор, назначенный на январь следующего года. Руководство восстанием на левом берегу Вислы брал на себя Лангевич, на правом – Левандовский, в Литве – Сераковский, все офицеры русской службы польского происхождения. Верховное командование на правах диктатора возлагалось на Мерославского, который должен был руководить восставшими из Парижа.

Восстание вспыхнуло повсеместно 10 января 1863 года. Великий князь, имевший в своем распоряжении около 90 тысяч войск, не сумел воспротивиться этому. Более того, опасаясь разгрома по частям, он приказал войскам сосредоточиться в нескольких местах, предоставив мятежникам большую часть страны. Границы Польши оказались временно открытыми, и через них хлынул обильный поток оружия, боеприпасов и других материальных средств. Повстанцы, организовав большое количество отрядов, начали масштабную партизанскую войну.

Наконец-то русское командование решилось на ответные меры. Диктатор Мерославский, прибывший в Польшу из Парижа в конце января, через несколько дней вместе со своим отрядом был разбит войсками полковника Шильдер-Шульднера у Троячинцев и бежал обратно за границу. Восстание возглавил Лангевич, собравший под Сандомиром отряд силой до четырех тысяч человек. Но 12 февраля и этот отряд был разгромлен под Молочинцами, а сам Лангевич 9 марта перешел австрийскую границу.

Из оставшихся отрядов на левом берегу Вислы самым крупным был отряд старика Чаховского, бывшего адъютанта Дембинского и злейшего ненавистника русских. Собрав до двух тысяч партизан, он продолжал оказывать упорное сопротивление войскам, временами совершая дерзкие рейды по их тылам.

31 марта 1863 года русское правительство, желая прекратить кровопролитие, объявило повстанцам всеобщую амнистию, которая, однако, успеха не имела. После этого в Петербурге было принято решение перейти к более жестким мерам и направить в Польшу дополнительный контингент войск, в том числе и гвардию. Однако Кавалергардский полк в список частей, направлявшихся на театр военных действий, не попал.

Корнет Скобелев был сторонником самых крутых мер к посягнувшим на спокойствие Отечества. Не без помощи дяди Михаил получил назначение в свиту генерал-адъютанта Баранова, которому Александр II поручил обнародовать манифест к полякам. Но едва посольство пересекло границу Польши, как молодой ординарец захандрил и стал тяготиться немудреными свитскими обязанностями. Баранов скрепя сердце уступил настойчивым просьбам корнета отпустить его волонтером в войска. Михаил Дмитриевич был прикомандирован к лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку, часть которого в то время находилась в Литве. Скобелев вошел в состав отряда, который преследовал отряд некоего Шпака. После нескольких ожесточенных стычек этот отряд был уничтожен, а его остатки рассеяны по лесам.

31 марта, в день объявления амнистии, Скобелев появился в отряде подполковника В.К. Занкисова, осуществлявшем глубокие рейды с целью очистки территории от восставших. Этот отряд в то время вел преследование крупного отряда мятежников под командованием Михая Шемиота. Михаил Дмитриевич напросился в авангард, который и настиг противника в Радковицком лесу.

Поляки, устроив лесные завалы, оказали ожесточенное сопротивление. Несколько кавалерийских атак русских были отбиты. Тогда Скобелев предложил повторить атаку под прикрытием дымов, но уже в пешем порядке. Удалось поджечь несколько скирд соломы, стоявших в поле у самого леса, оттуда огонь перебросился на кустарник, задымились валежник и отдельные деревья. Кавалеристы, спешившись, под прикрытием дыма почти вплотную подошли к завалу и по команде бросились на штурм. Атаку поддерживали товарищи уже в конном строю. Вражеские завалы были взяты штурмом, а находившиеся за ним повстанцы – почти полностью уничтожены.

Стычка с отрядом косинеров под предводительством Шемиота была скоротечной и жестокой. Ситуация менялась стремительно, словно в калейдоскопе. Люди падали под ударами сабель и кос, оставляя на земле кровавые следы. Смерть не щадила ни поляков, ни русских. Выстрелы из ружей, пороховой дым, скрежет металла, ржание лошадей, призывы и команды слились в единую какофонию, присущую только войне. Поведение Скобелева в этом бою в реляции описано так: «Прямое и отличное исполнение приказаний, а также оказанное мужество при взятии в плен повстанца Безкишкина, 15 апреля, вполне заслуживает награды Св. Анны IV ст. за храбрость».

За этот бой Скобелев получил свою первую боевую награду – орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость», знак и лента которого располагались на сабле. Позже такая сабля стала называться аннинским оружием. Так в послужном списке Михаила Скобелева появился первый боевой орден. Напомним: в ту пору ему шел двадцать первый год.

Участие в боях во время подавления Польского восстания для Скобелева стало памятным несколькими моментами. Во-первых, он увидел войну собственными глазами, причем не ту классическую, к которой обычно готовили войска, а войну против противника, применявшего методы партизанской борьбы. В этой войне нередко врага трудно было отличить от мирного жителя, не было четко обозначенной линии фронта и удары наносились отовсюду. Нужно было обладать особым чутьем для того, чтобы правильно ориентироваться в такой обстановке и, расслабившись, не стать жертвой случая. Во-вторых, он впервые столкнулся со смертельной опасностью и был вынужден четко определить свое место и роль в бою. Именно тогда в нем обозначился образ бесстрашного командира-лидера, способного вести за собой подчиненных, рискуя собственной жизнью. Все это в нем еще не раз было проявлено в последующих боях.

В то же время Польское восстание и его подавление в очередной раз продемонстрировало то нездоровое отношение, которое складывалось в Европе и в самой России к монархическим властям, стремившимся к наведению порядка любыми средствами, вплоть до вооруженной силы. Так, историк А.А. Керсновский, говоря об этом конфликте, позже писал: «Повстанце» 1863 года своим масштабом уступает «инсурекции» 1794 года, не говоря уж о кровопролитной русско-польской войне при Николае I (1831 года. – *Авт.*). Его скорее всего можно сравнить с «конфедерацией» 1768–1772 годов. Польской армии давно уже не существовало, партизанские отряды состояли из людей, не получивших никакой военной подготовки, вооруженных чем попало (главным образом косами и охотничьими ружьями) и возглавленных несведущими в тактике начальниками. Артиллерии у них не было никакой, и при встречах с русскими войсками повстанцы несли урон, как правило, в десять раз сильнееший...

За 1863 год отмечено 547 дел (боев, стычек, перестрелок), за 1864 год – 84 дела. Повстанцев было перебито свыше 30 000. Русские потери – свыше 3000, примерно 2 процента от всех действовавших сил... Боевых отличий воинским частям за усмирение этого мятежа не жаловалось....

Исследователь не может не отметить с чувством безгловости первое проявление в 1863 году русского пораженчества. «Колокол», издававшийся в Лондоне Герценом и проводивший русофобскую политику, призывал Европу к походу на ненавистную Россию. «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!» – сокрушался Герцен, констатируя подъем духа, охвативший разные слои русского общества при наметившейся угрозе Запада. Следует оговориться, что «сифилисом» Герцен считал только русский патриотизм. Всякий другой – английский, французский, польский – он приветствовал, упрасывая иностранцев обратить гром и молнии на страну, бывшую ведь его родиной. Он подбодрял польских повстанцев истреблять проклятых русских офицеров, гнусных русских солдат и писал про русские войска всякие небылицы...

Таким образом, во время подавления Польского восстания в молодой пореформенной России и вокруг нее, в ряде стран Европы, постепенно начинается формироваться та сила, которая со временем перерастет в мощную оппозицию русскому правительству и проявится вначале в виде массового терроризма, а затем – в виде организованных партий, ставших движущей силой революций. Монархический строй явно уже не соответствовал новой экономической формации, основанной на конкуренции и рынках, свободной продаже гражданами своего труда. Крестьянская Россия, веками находившаяся в крепостной зависимости, даже после отмены крепостного права еще долго не могла перейти к новым трудовым отношениям, к рынку, а это существенно тормозило ее развитие.

Но М.Д. Скобелев в то время был очень далек от политики. Он откровенно наслаждался своей удалью и гордился тем, что начал офицерскую службу не в столичных караулах, а на полях сражений. Этому также способствовало и то, что в завершение Польской кампании М.Д. Скобелев был произведен в поручики и награжден серебряной медалью «За усмирение польского мятежа. 1863–1864 гг.», которая носилась на груди на романовской бело-оранжево-черной ленте.

датская война 1864 года

Но дожидаться конца военных действий при подавлении Польского восстания Михаилу Скобелеву не довелось. Неожиданно для себя весной 1864 года он был отозван в Петербург и вызван в Главный штаб, где получил предписание в качестве частного лица отправляться в Западную Европу, где в то время шла война между Данией, с одной стороны, и Австрией и Пруссией – с другой.

– Эта война будет характерна, прежде всего, применением нового оружия, которым располагают обе стороны, – сказал молодому офицеру штабной полковник, наставлявший Скобелева перед дорогой. – Нам важно знать возможности этого оружия и его количество в пехотном полку. Постарайтесь сблизиться с офицерами, непосредственно участвовавшими в боях, поговорите с ними о способах действий войск в новых условиях. Не исключено, что вскоре и нам придется столкнуться со всем этим. Нужно знать, к чему готовиться.

Перед отъездом Скобелев посетил департамент Министерства иностранных дел, где узнал, что причиной этой войны стало соперничество, которое в середине XIX века возникло между Данией и Пруссией из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн, которые находились в личной унии с Данией. В 1848 году это соперничество переросло в войну, которая продолжалась до 1850 года. После ее окончания прежний статус герцогств был подтвержден Лондонскими протоколами 1850 и 1852 годов. Но в ноябре 1863 года в Дании была принята новая конституция, по которой Шлезвиг присоединялся к Датскому королевству, становясь частью его территории.

Австрия и Пруссия, которые также имели определенные виды на Шлезвиг и Гольштейн, при поддержке ряда государств Германского союза объявили этот шаг нарушением прежних договоренностей. Они потребовали у Дании отменить конституцию, а затем оккупировали Гольштейн, а также германское княжество Лауэнбург, на которое претендовала Дания.

А 16 января 1864 года Австрия и Пруссия объявили Дании ультиматум с требованием восстановить статус Шлезвига, но в конце января Дания отклонила этот ультиматум. Возник военный конфликт между Датским королевством и прусско-австрийской коалицией за отделение приэльбских герцогств Шлезвиг и Гольштейн от владений датской короны. Реально же это была первая из войн в процессе объединения Германии вокруг Пруссии.

Михаил Дмитриевич и сам сильно интересовался этой войной. Однако та скудная информация, которая появлялась в газетах, не давала ответы на его вопросы. Хотелось все увидеть собственными глазами. Поэтому, не откладывая, он быстро собрался и первым же рейсом направился в Ригу, а оттуда дальше на Запад.

Когда М.Д. Скобелев приехал в Кенигсберг, война между Пруссией и Данией была в самом разгаре. Он узнал, что еще 1 февраля объединенные прусско-австрийские войска численностью в 60 тысяч человек при поддержке 158 орудий под общим командованием прусского генерал-фельдмаршала Ф. Врангеля вступили на территорию Шлезвига. Им противостояла датская армия (38 тысяч человек, 277 орудий) под командованием генерал-лейтенанта К. де Меца. Используя свое превосходство в артиллерии, она могла обороняться, но датские военачальники вместо этого избрали пассивную тактику наблюдения за противником.

Воспользовавшись этим, 3 и 4 февраля главные силы немцев атаковали Данневеркскую линию датчан с фронта, между тем как их особый корпус, переправившись через залив Шлей, нанес удар во фланг противнику. Вследствие этого в ночь на 6 февраля датчане отступили к Фленсбургу, который союзники практически без боя заняли на следующий день. После потери Фленсбурга датская армия отошла частью к Дюппелю, частью на север Ютландии, оказавшись таким образом разделенной на две части. К марту 1864 года одна ее часть заняла укрепленные позиции в районе города Дюппель, а другая укрылась в крепости Фредерисия.

К моменту приезда Скобелева прусско-австрийские войска осадили крепость Фредерисию, а 18 апреля разгромили датчан у Дюббеля. 29 апреля датские войска вынуждены были оставить Фредерисию и эвакуироваться на острова Альс и Фюн. Правда, на море в то время еще господствовал более сильный датский флот, блокировавший побережье Германии, но морские сражения датчан с прусской эскадрой у Ясмунда (о. Рюген) 17 марта и с австрийской эскадрой у Гельгоlanda 9 мая не дали определенного результата. Обе воюющие стороны объявили о своих победах в этих сражениях, а их дипломаты уже готовили почву для переговоров.

25 апреля 1864 года в Лондоне начались мирные переговоры между представительствами воюющих государств при участии Великобритании, Франции и России. Было заключено перемирие до 26 июня.

29 июня прусско-австрийские войска, получив значительное подкрепление, возобновили наступление. Главнокомандующим союзной армией был назначен принц Фридрих-Карл. Вторым период войны для датчан был еще неудачнее первого. После занятия пруссаками острова Альзена 29 июня датским войскам приходилось повсюду отступать, а союзные войска все более и более распространялись по территории королевства.

Лишь к концу октября 1864 года конфликт был урегулирован полностью, и 30 октября в Вене был подписан мирный договор. Дания отказалась от своих притязаний на Лауэнбург, Шлезвиг и Гольштейн. Герцогства были объявлены совместными владениями Пруссии и Австрии, причем Шлезвигом отныне управляла Пруссия, а Гольштейном – Австрия.

Датская война 1864 года явилась важным этапом на пути объединения Германии под гегемонией Пруссии. При этом важно, что стороны за это заплатили не такую уж большую цену. Со стороны Пруссии погибло в боях и умерло от ран и болезней немногим более 3 тысяч человек. Потери Дании убитыми и ранеными достигли 7 тысяч человек.

Для молодого офицера М.Д. Скобелева данная война стала очередным уроком в области военного искусства. В частности, он убедился в том, что новое однотипное оружие, созданное на фабриках, показало себя в бою лучше оружия, произведенного в кустарных мастерских и что организованное по определенной системе снабжение армии превосходит снабжение, основанное на частных поставках.

После возвращения в Петербург М.Д. Скобелев написал подробный отчет о своей командировке. Он представляет собой десяток страниц с перечислением отдельных боев и марш-рутов передвижения войск. В отношении нового оружия имеется особый рапорт, в котором изложены описание и приемы использования при штурме крепости Фредерисии тяжелой артиллерии, которая вела по противнику «губительный огонь с большого расстояния». Также определенную ценность представляет справка о применении железнодорожного транспорта для переброски войск и грузов на большое расстояние.

В целом командировка на театр Датской войны стала очередной страницей в формировании военного искусства будущего военачальника. Однако полученные знания и опыт нуждались в закреплении практикой.

Александр II

В начале 60-х годов XIX века Российская империя переживала бурный период своего развития, который был связан с целым рядом реформ, проводимых императором Александром II и его правительством. Позже эти реформы будут называть по именам министров. Но реально во главе этого сложного и противоречивого процесса стоял император Александр II.

Александр Николаевич Романов взошел на престол после кончины его отца императора Николая I в 1855 году. Наследство ему досталось не важное. Россия буквально истекала кровью в войне, сражаясь одновременно против трех могучих противников: Англии, Франции и Османской империи. Каждый из этих противников был достойным соперником. Объединившись, они причинили России много неприятностей: пал Севастополь, был затоплен Черноморский флот, и, как итог, 16 марта 1856 года Россия вынуждена была подписать унижительный для нее Парижский мир, по которому она лишалась права иметь флот на Черном море, уступала Южную Бессарабию Молдавии и возвращала Турции все свои завоевания на Кавказе.

Но кроме этих видимых ран поражения были и другие, менее видимые и потому, возможно, более страшные. Высшее политическое руководство страны, дипломаты и военные проявили свою неспособность достойно строить политику в сложной ситуации. Николай I командовал Россией, как полком, предпочитая четкий строй и внешний блеск сложным перестроениям и маневрам. Дипломаты были под впечатлением политики Священного союза, выгодного Австрии и Пруссии, но который самой России не принес ничего положительного. Верхушку военной иерархии представляли в основном ученики «Школы фельдмаршала Паскевича», которые, по словам князя Горчакова, «до того закоснели, что без него не могут и пальцем пошевелить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.